

Автор хочет поблагодарить Фонд Линдхёрста, Мемориальный фонд Джона Саймона Гуггенхайма, а также Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. Макартур. Он также выражает признательность Альберту Эрскину, своему редактору, с которым работает уже двадцать лет.

Идеи ваши пугают, и вы слабы душой. Ваши поступки, продиктованные жалостью и жестокостью, лишены смысла, ибо свершаются в смятении, будто по неодолимому зову. И наконец, вы все больше страшитесь крови. Крови и времени.

Поль Валери

Не следует считать, будто жизнь тьмы обьята страданием и потеряна, словно в скорби. Скорби нет. Ибо печаль поглощена смертью, а смерть и умирание и есть жизнь тьмы.

Якоб Бёме

Кроме того, Кларк, в прошлом году возглавлявший экспедицию в район Афар в Северной Эфиопии, и Тим Д. Уайт, его коллега из Калифорнийского университета в Беркли, заявили, что при повторном обследовании найденного ранее в том же районе ископаемого черепа, возраст которого исчисляется 300 000 лет, обнаружены признаки скальпирования.

*Газета «Юма Дэйли Сан»,
13 июня 1982 года*

I

Детство в Теннесси — Уход из дома — Новый Орлеан — Драки — В него стреляют — В Галвестон — Накондочес — Преподобный Грин — Судья Холден — Скандал с дракой — Тоудвайн — Поджог отеля — Побег

Вот он, это дитя. Он бледен и тощ, в тонкой и драной полотняной рубахе. Ворошит огонь на кухне. За окном темные вспаханные поля с лохмотьями снега, а дальше — еще более темный лес, где пока находят пристанище последние волки. Племя его рубит дрова и черпает воду¹, но, вообще-то, его отец — школьный учитель. Отец лежит пьяный и бормочет стихи поэтов, чьи имена позабыты. Мальчик съежился у огня, наблюдает за отцом.

Ночь, когда ты родился. Тридцать третий. Леониды, вот как их называли. Господи, ну и звездопад тогда случился². Я все искал темные места, дырки в небесах. На этой кухонной плите с ковшом Большой Медведицы.

¹ Ис. Нав. 9: 23. — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

² *Леониды* — метеорный поток, появляющийся в ноябре со стороны созвездия Льва. Во время метеорного дождя 1833 г. в течение часа, по некоторым оценкам, наблюдалось более 100 000 метеоров.

Четырнадцать лет матери нет в живых — тот, кого она выносила, свел ее в могилу. Отец никогда не произносит ее имени, и дитя не знает, как ее звали. В этом мире у него есть сестра, которую ему больше не суждено увидеть. Он смотрит не отрываясь, бледный и немый. Он не умеет ни читать, ни писать, и в нем уже зреет вкус к бессмысленному насилию. Лицо его — сама история, это дитя — отец человечества.

В четырнадцать он сбегает из дому. В его жизни больше не будет промозгой кухни в предрассветной мгле. Никаких дров и лоханей. Он отправляется на запад, аж до Мемфиса, одинокий путник на плоском пасторальном ландшафте. Негры в полях, худые и сутулые, пальцы их — как пауки среди коробочек хлопка. Тайное моление. На фоне блекнувших солнечных фигур, которые движутся на бумажном горизонте в не поспевающих за ними сумерках. Одинокий темный силуэт землепашца с бороной и мулом, удаляющегося в ночь по омытой дождями долине.

Год спустя — Сент-Луис. До Нового Орлеана его подбрасывают на плоскодонной барже. Сорок два дня по реке. По ночам гудят и тяжело шлепают мимо по черной воде пароходы, все в огнях, точно плавучие города. Плавание заканчивается, лес идет на продажу, а он выходит на улицы города и слышит наречия, каких раньше слышать не доводилось. Он живет в комнатухе, выходящей во двор за баром, а по вечерам, словно чудище из сказки, спускается, чтобы подраться с моряками. Сам он невелик, но запястья большие, руки тоже. Крепкие плечи. Удивительно, но на покрытом шрамами лице сохранилось то же детское выражение, а глаза светятся странной невинностью. Де-

ругся здесь кулаками и ногами, в ход идут бутылки и ножи. Люди самого разного роду и племени. Есть такие, что не говорят, а лопочут, как обезьяны. Некоторые из таких далеких и чудных мест, что, когда стоишь над телами, истекающими кровью в грязи, такое чувство, будто отстоял все человечество.

В один из вечеров боцман с Мальги стреляет ему в спину из маленького пистолета. Повернувшись, чтобы разобраться с ним, он получает еще одну пулю чуть ниже сердца. Боцман убегает, а он облакачивается на стойку бара, и по рубашке бежит кровь. Остальные отворачиваются. Постояв, он сползает на пол.

Две недели он валяется на койке в комнатухе наверху, и за ним ухаживает жена владельца бара. Она приносит еду, убирает нечистоты. Суровая женщина, жилистая, как мужик. Он идет на поправку, но платить уже нечем, вечером он уходит, ночует на берегу реки, пока один пароход не берет его на борт. Пароход идет в Техас.

Лишь теперь дитя окончательно перестает быть тем, прежним ребенком. И происхождение его, и судьба так далеки, что, сколько бы ни обращался мир, не бывать больше таким пределам, диким и жестоким, где пытались бы по своему усмотрению придать форму материалу творения или выяснить, не из глины ли его сердце. Пассажиры какие-то оробелые. Прячут глаза, и никто не поинтересуется, что привело сюда других. Он спит на палубе — странник среди странников. Смотрит, как становятся то выше, то ниже смутные очертания берега. На него таращатся серые морские птицы. Над серыми волнами тянутся к берегу стаи пеликанов.

Поселенцы со своими пожитками пересаживаются на шаланду и разглядывают низкий берег, узкую песчаную излучину и купающиеся в дымке виргинские сосны.

Он идет по узким улочкам порта. В воздухе пахнет солью и свежераспиленным деревом. Вечером, словно неприкаянные души, его окликают из темноты проститутки. Проходит неделя, и он опять в пути — заработав несколько долларов, шагает один дорогами южной ночи, сжимая кулаки в карманах дешевой куртки. Насыпные дамбы через болото. Цапли на гнездовьях, белые, как свечи среди мха. Колючий ветер оставляет размеренный шаг у обочины и вприпрыжку мчится дальше по ночным полям. Дальше на север, через мелкие поселения и фермы, нанимаясь за поденную плату, еду и кров. В одной деревушке на перекрестке дорог он видит, как вешают отцеубийцу, — друзья подбегают к повешенному, тянут его за ноги, а он, уже мертвый, висит в петле, и его штаны темнеют от мочи.

Работает на лесопилке, работает в дифтерийном бараке. У одного фермера берет в уплату немолодого мула и весной тысяча восемьсот сорок девятого, миновав приснопамятную республику Фредонию¹, прибывает в городок Накогдочес.

Пока шли дожди, на проповеди преподобного Грина каждый день собирались целые толпы, а дожди шли уже две недели. Когда Малец нырнул в потрепанную

¹ Независимую от Мексики Республику Фредония собирались провозгласить в Техасе недалеко от Накогдочеса переселенцы из США, сформировавшие в декабре 1826 г. комитет по независимости. В конце января они отступили под натиском мексиканских войск.

брезентовую палатку, там еще можно было приткнуться у стены, а от мокрых невымытых тел стояла такая жуткая вонь, что люди то и дело пулей вылетали под проливной дождь глотнуть свежего воздуха, пока ливень не загонял их обратно. Встал у задней стенки, среди таких же, как он. От прочих он отличался лишь тем, что был безоружен.

Друзья мои, вещал преподобный, он не мог не появиться в такой черт... черт... чертовой дыре, здесь, в Накогдочесе. Я обратился к нему и спросил: берешь ли ты с собой Сына Божия? И он ответил: о нет, не беру. И я сказал: разве не знаешь ты сказанного Им — «последую за вами во все дни, даже до конца пути»?¹

Да ладно, сказал он, я ж никого не прошу со мной идти. И я сказал: друг мой, ни о чем просить не надо. Он будет с тобой, куда бы ты ни направил стопы твои, просишь ты или нет. Избавиться от Него не удастся, друг мой, сказал я. Так вот. Значит, ты потащишь его — Его — с собой в эту дыру?

Видал, чтоб здесь так поливало?

Малец смотрел на священника, и теперь обернулся к тому, кто произнес эти слова. Длинные усы, как у погонщиков скота, широкополая шляпа с невысокой круглой тульей, чуть косящие глаза, тот глядел на Мальца со всей серьезностью, будто и впрямь желал знать его мнение про дождь.

Я здесь недавно, сказал Малец.

Ну а я такого что-то не припомню.

Малец кивнул. В палатку вошел человек в непромокаемом плаще и снял шляпу. Лысый, как бильярд-

¹ Парафраз на Мф. 28: 20.

ный шар, без намека на бороду, без бровей и ресниц. Великан, почти семь футов, он стоял, попыхивая сигарой даже в этом кочевом доме Божиим, да и шляпу снял, похоже, лишь затем, чтобы стряхнуть дождевые капли, поскольку тут же надел ее снова.

Священник умолк. В палатке повисла тишина. Все смотрели на вошедшего. Тот поправил шляпу, потом протиснулся к сколоченной из ящиков кафедре, за которой стоял преподобный, и повернулся, чтобы обратиться к его пастве. Лицо невозмутимое, какое-то даже детское. Маленькие руки. Он простер их перед собой.

Леди и джентльмены, считаю своим долгом поставить вас в известность, что человек, выступающий здесь как проповедник — самозванец. У него нет бумаг ни от одной церкви — официально признанной или нет. Он никоим образом не соответствует занимаемой им незаконно должности и выучил лишь несколько отрывков из Писания, дабы придать своим жульническим проповедям налет противного ему благочестия. Собственно говоря, джентльмен, что стоит сейчас перед вами, изображая из себя слугу Господа, абсолютно неграмотен и к тому же разыскивается властями штатов Теннесси, Кентукки, Миссисипи и Арканзас.

О Боже! воскликнул священник. Ложь, ложь! И стал лихорадочно читать что-то из раскрытой Библии.

В последнем из множества предъявленных ему обвинений фигурирует девочка одиннадцати лет — я сказал, одиннадцати, — которая доверчиво пришла к нему. Его застали за актом насилия над ней, причем он был в одеянии священника.

По толпе пронесся стон. Одна дама рухнула на колени.

Это он! вскричал священник, всхлипывая. Это он! Дьявол. Се, предстал перед нами.

Повесить говнюка, выкрикнул из задних рядов какой-то мерзкий громила.

Какими-то тремя неделями ранее его выгнали из Форт-Смита в Арканзасе за совокупление с козой. Да, дама, именно так. С козой.

Да будь я проклят, если не пристрелю этого сукина сына, послышался голос у дальней стены. Говоривший поднялся, вытащил из сапога пистолет, прицелился и выстрелил.

Выхватив из-под одежды нож, косоглазый погонщик мигом распорол брезент и выскочил под дождь. Малец шмыгнул за ним. Низко пригнувшись, они побежали по грязи к постоялому двору. В палатке вовсю шла стрельба, в брезенте прорезали уже с десятков отверстий, и оттуда, спотыкаясь, валил народ. Визжали женщины, кого-то уже затоптали в грязь. Добравшись до галереи постоялого двора и вытерев мокрые лица, Малец и его приятель оглянулись. У них на глазах палатка закачалась, изогнулась и огромной раненой медузой потихоньку осела, волоча по земле обрывки брезентовых стен и драные растяжки.

Когда они вошли в бар, лысый был уже там. На полированной деревянной стойке перед ним лежали две шляпы и две пригоршни монет. Он поднял стакан, но не для того, чтобы приветствовать вошедших. Подойдя к стойке, они оба заказали виски. Когда Малец положил перед барменом деньги, тот отпихнул их большим пальцем и кивнул на лысого.

Тут пьют за счет Судьи.

Они выпили. Погонщик поставил стакан и взглянул на Мальца. А может, и не взглянул: глаза такие, что и не поймешь. Малец посмотрел на Судью за стойкой. Высокая — не каждый локти на нее поставит — Судье она была по пояс. Он стоял, положив ладони на деревянную столешницу и слегка наклонившись, будто собирался произнести еще одну речь. В дверь ввалилась, чертыхаясь, толпа людей, перепачканных кровью и грязью. Они скучились вокруг Судьи — собрать отряд для погони за проповедником.

Судья, откуда у тебя улики на этого козла?

Улики? переспросил Судья.

Ты в Форт-Смите когда был?

В Форт-Смите?

Откуда ты все о нем знаешь?

О преподобном Грине?

Да, сэр. Ты ведь, я понимаю, из Форт-Смита сюда приехал.

Я в жизни не бывал в Форт-Смите. И он там, скорее всего, тоже не был.

Народ переглянулся.

Откуда же ты тогда его знаешь?

Я этого человека в глаза не видел до сего дня. И никогда о нем не слышал.

Он поднял стакан и выпил.

Воцарилась странная тишина. Люди походили на изваяния из грязи. Наконец один засмеялся. Потом другой. Вскоре все уже дружно хохотали. Кто-то купил Судье выпивку.

Когда Малец познакомился с Тоудвайнсом, дождь лил уже шестнадцать дней подряд, и переставать не собирался. Жил Малец в том же салуне, все деньги были спущены на выпивку — осталось всего два доллара. Погонщик уехал, комнатуха опустела. Через открытую дверь было видно, как дождь заливает пустырь за постоянным двором. Он допил стакан и вышел. По доскам, проложенным в грязи, он направился через пустырь к отхожему месту, ориентируясь по тусклой полоске света из двери. Навстречу кто-то шел, и они встретились на середине узких мостков. Стоявший перед ним слегка покачивался. Мокрые поля шляпы спереди были заколоты, а в остальных местах свисали на плечи. В руке он нетвердо держал бутылку. Убирайся-ка ты лучше с дороги, проговорил он.

Малец уступать дорогу не собирался и счел, что спорить нет нужды. И двинул ему в челюсть. Тот свалился, но тут же вскочил. Убью, произнес он.

Он пустил в ход бутылку, но Малец увернулся, замахнулся бутылкой снова, но Малец отступил. Ударив сам, Малец получил бутылкой в скулу. Бутылка разбилась. Он рухнул в грязь, а его противник рванулся за ним с «розочкой», метя в глаз. Малец старался защитить лицо, и все руки были скользкие от крови. Он никак не мог дотянуться к сапогу за ножом.

Убью гада, промышчал его противник. Они топтались в темноте по пустырю, кружа друг перед другом бочком и потеряв в грязи сапоги. В руке у Мальца теперь был нож. Когда противник пошел на него, Малец распорол ему рубаху. Отбросив «розочку», против-

ник выхватил из ножен за спиной громадный «боуи»¹. Шляпа у него слетела, сальные черные локоны развевались, а угрозы свелись к одному слову «убью», которое он твердил на все лады, как помешанный.

Вдоль мостков уже стояли зеваки. Вот это удар, одобрил один.

Убую, убую, твердил длинноволосый, еле ворочая языком и с трудом переставляя ноги по грязи.

Но по пустырю широкой поступью надвигался кто-то со здоровенной дубиной в руках, и сапоги его чавкали, точно корова. Первым на его пути оказался Малец, и после взмаха дубины он рухнул ничком в грязь. Тут бы ему и конец, не переверни его кто-то навзничь.

Когда он очнулся, было светло, дождь перестал, и над ним склонилось лицо длинноволосого. Тот был весь в грязи и что-то говорил.

Что? переспросил Малец.

Я говорю, ну что, квиты?

Квиты?

Квиты. Потому как если хочешь огрести еще, то, черт побери, точно получишь.

Малец посмотрел в небо. Там, в вышине, малюсенькой точкой кружил гриф. Перевел взгляд на длинноволосого. У меня что, шея сломана? спросил он.

Тот оглядел пустырь, сплюнул и снова уставился на Мальца. Что, не встать?

Не знаю. Не пробовал.

Не хотел ломать тебе шею.

¹ «Боуи» — длинный охотничий нож, изобретенный Джимом Буи (Боуи) и популярный среди покорителей Фронттира.

Ну да, как же.

Прикончить тебя хотел.

Пока что это никому не удалось. Уперев растопыренные пальцы в грязь, Малец приподнялся. Длинноволосый сидел на досках, рядом лежали его сапоги. Ничего страшного с тобой, заключил он.

Малец одеревенело озирался. А мои где?

Длинноволосый прищурился. С лица у него слетали хлопья засохшей грязи.

Если кто мои сапоги стащил, убью сукина сына.

Вроде вон там один валяется.

Прочавкав по двору, Малец вернулся с сапогом. Потом стал бродить кругами, ощущывая похожие на сапог комья грязи.

Твой нож?

Длинноволосый взгляделся.

Вроде мой.

Малец бросил ему нож, тот нагнулся, поднял и вытер огромное лезвие о штанину. Думал, сперли тебя, сообщил он ножу.

Найдя второй сапог, Малец снова уселся на доски. Руки казались огромными от налипшей грязи, он потер одну о колено и уронил снова.

Они сидели бок о бок и смотрели на пустырь. По краю пустыря шла ограда из штакетника, за ней мальчишка набирал воду из колодца, по двору разгуливали куры. Из двери салуна вышел человек и направился в отхожее место. Остановился перед ними, посмотрел и шагнул в грязь. Через некоторое время вернулся, снова ступил в грязь, чтобы обойти их и зашагал по мосткам дальше.

Малец взглянул на длинноволосого. Голова странная, узкая, волосы от грязи слиплись в какую-то нелепую примитивную прическу. На лбу выжжены буквы «ХТ», а ниже, почти между глаз, — «Ф»¹, и все буквы косые и яркие, словно клеймо передержали. Длинноволосый повернулся, и Малец заметил, что у него нет ушей. Длинноволосый встал, сунул нож в ножны и пошел по мосткам, держа сапоги в руке. Малец тоже поднялся и побрел за ним. На полпути к постоялому двору длинноволосый остановился, бросил взгляд на жидкую грязь вокруг, потом сел на доски и натянул сапоги прямо на грязные ноги. Затем встал, похлопал через пустырь и что-то подобрал.

Глянь-ка сюда, хмыкнул он. Вот черт, это ж моя шляпа.

Точнее, все, что от нее осталось, не разберешь. Длинноволосый отряхнул ее, напялил на голову и пошел дальше, а Малец последовал за ним.

Баром назывался длинный узкий зал, обшитый лакированными досками. У стены столы, на полу плевательницы. Посетителей не было. Когда они вошли, бармен поднял голову, а негр, подметавший пол, приставил метлу к стене и удалился.

Где Сидни? осведомился заляпанный грязью длинноволосый.

Дрыхнет, наверное.

Они проследовали дальше.

Тоудвайн, окликнул бармен.

Малец оглянулся.

¹ Буквы «Х» и «Т» — инициалы Тоудвайна, буквой «Ф» (фелония) клеймили совершивших тяжкое преступление.

Бармен вышел из-за стойки и смотрел им вслед. Они прошли через вестибюль к лестнице, оставляя за собой на полу куски грязи разной формы и величины. Когда они уже поднимались, портье перегнулся через конторку и окликнул:

Тоудвайн.

Тот остановился и оглянулся.

Он тебя пристрелит.

Старина Сидни?

Старина Сидни.

Они стали взбираться дальше.

Наверху начинался длинный коридор с окошком в торце. Покрытые лаком двери вдоль стен теснились плотно, будто за ними скрывались чуланы. Тоудвайн дошел до конца коридора. У последней двери прислушался и взглянул на Мальца.

Спички есть?

Малец порылся в карманах и вытащил ломаный и засаленный деревянный коробок.

Тут растопка нужна. Длинноволосый взял коробок, доломал и сложил обломки у двери. Чиркнул спичкой и поджег. Затем просунул костерок под дверь и добавил спичек.

Он внутри? спросил Малец.

Сейчас мы это и выясним.

Показался темный завиток дыма, лак занялся голубым пламенем. Они присели на корточки и стали смотреть. У обоих был такой вид, будто их вытащили из болота. Тоненькие огненные язычки лизали обивку и снова ныряли под дверь. А теперь постучи, велел Тоудвайн.

Малец поднялся. Тоудвайн тоже встал и прислушался. За дверью потрескивало пламя. Малец посту-чал.

Стучи громче. Этот тип пьет будь здоров.

Малец пять раз шарахнул по двери кулаком.

Черт, пожар, слышался голос.

А вот и он.

Они еще подождали.

Горячая, сука, сказал тот же голос. Потом ручка повернулась, и дверь открылась.

Тот, кого звали Сидни, стоял в одних подштанни-ках, держа в руке полотенце, которым брался за на-гревшуюся ручку. Увидев их, он метнулся было об-ратно в комнату, но Тоудвайн ухватил его за шею, по-валил и, держа за волосы, начал выдавливать большим пальцем глаз. Сидни схватил руку Тоудвайна и уку-сил.

Врежь-ка ему по зубам, — крикнул Тоудвайн. — Ногой врежь.

Малец шагнул мимо них в комнату, развернулся и ударил Сидни ногой в лицо. Тоудвайн за волосы от-тягивал тому голову назад.

Врежь ему, снова крикнул он. Эх, врежь ему, ми-лок.

И Малец врезал.

Тоудвайн повертел окровавленную голову туда-сюда, отпустил, и она шмякнулась об пол. Подняв-шись, он и сам пнул лежащего. В коридоре стояли двое зевак. Огонь уже охватил дверь, часть стены и по-толок. Они двинулись по коридору. По лестнице че-рез две ступеньки взбегал портье.

Тоудвайн, сукин ты сын, выдохнул он.

Тоудвайн стоял на четыре ступеньки выше, и его пинок пришелся портье в горло. Тот осел на лестницу. Малец, спускаясь мимо, добавил ему по уху. Портье обмяк, и его тело заскользило вниз. Переступив через него, Малец миновал вестибюль и через парадную дверь вышел на улицу.

Тоудвайн бежал по улице, потрясая кулаками над головой, как безумец, и хохоча. Он смахивал на большую ожившую куклу вуду из глины, да и Малец выглядел не лучше. Позади них пламя охватило угол постоянного двора, и в теплом техасском утре клубами поднимался черный дым.

Мула своего Малец оставил на окраине, у мексиканской семьи, принимавшей на постой животных, и явился туда ошалелый, еле переводя дыхание. Ему открыла та же старуха.

Мула хочу забрать, прохрипел он.

Пристально оглядев его, она что-то крикнула вглубь дома. Обойдя дом, он очутился на заднем дворе. Там у привязи стояли лошади, а возле изгороди на краю телеги сидели настороженные индюки. Старуха подошла к задней двери. *Nito*, позвала она. *Venga. Hay un caballero aquí¹. Venga.*

Он прошел под навесом в шорную и вернулся со своим разбитым седлом и одеялом в скатке. Потом нашел мула, вывел из стойла, взнуздal сыромятным недоуздом и подвел к изгороди. Опершись на него плечом, набросил седло и затянул подпругу, а мул вздрагивал, прядал и терся головой об изгородь. Ма-

¹ Сынок. Иди сюда. Тут какой-то господин (*исп.*).

лец повел его через двор. Мул мотал и мотал головой, словно что-то попало ему в ухо.

Они вышли на дорогу. Когда он миновал дом, старуха вышла из дверей и направилась к нему. Увидев, что он ставит ногу в стремя, она ускорила шаг. Вскочив в разбитое седло, Малец послал мула вперед. Старуха остановилась у ворот, провожая его взглядом. Он не обернулся.

Когда он проезжал через городок, постоянный двор горел, вокруг стояли и смотрели люди, кое-кто с пустыми ведрами. На пламя глядели и несколько верховых, в том числе Судья. Когда Малец ехал мимо, Судья пристально взглянул на него. И лошадь повернул, словно хотел, чтобы она тоже посмотрела. Когда Малец обернулся, на лице Судьи появилась улыбка. Малец подстегнул мула, и они двинулись по западной дороге мимо старого каменного форта, унося ноги от этой скверной переделки.

II

*Через прерию — Отшельник — Сердце негра — Ночная гроза —
Снова на запад — Погонщики скота — Их доброта — Снова
в дороге — Повозка с мертвецами — Сан-Антонио-де-Бехар —
Мексиканский бар — Еще одна драка — Зброшенная церковь —
Мертвецы в ризнице — У брода — Купание в реке*

Настали дни, когда приходилось и побираться, и воровать. Порой за целый день пути не встречалось ни души. Край сосновых лесов остался за спиной, а впереди, за бесконечными болотистыми низинами, клонится к закату вечернее солнце, темнота настигает, как удар молнии, и трава скрежещет под холодным ветром. Ночное небо так усыпано звездами, что черноте не остается места, и они падают всю ночь напролет, описывая горестные дуги, но меньше их почему-то не становится.

Он старается держаться подальше от главной дороги, опасаясь на кого-нибудь нарваться. Всю ночь воют мелкие степные волки, и рассвет застает его в травянистой ложине, где он укрылся от ветра. Стреноженный мул стоит над ним и смотрит на восток, ожидая рассвета.

Восходящее солнце отливает стальным блеском. Тень от его фигуры верхом на муле простирается пе-

ред ним на целые мили. На голове у него шляпа из листьев — они высохли на солнце и потрескались, теперь он смахивает на пугало, что забрело сюда из сада, где отпугивало птиц.

К вечеру среди невысоких холмов он замечает козую спираль дымка, и еще до темноты стоит в дверях землянки старика-анахорета, который обосновался здесь среди дерна, как обитающий на земле ленивец. Одинокий, полубезумный, с красными кругами вокруг глаз. Глаза заперты в них как в клетке из раскаленной проволоки. Тело при этом далеко не изможденное. Он молча наблюдал, как Малец одеревенело слезает с мула. Дул сильный ветер, и лохмотья старика развевались.

Дым твой увидел, сказал Малец. Подумал, может, у тебя найдется глоток воды.

Старик-отшельник почесал грязную шевелюру и опустил глаза. Повернувшись, зашел в землянку, и Малец последовал за ним.

Внутри было темно и пахло землей. На земляном полу горел костерок; из обстановки — лишь кипа шкур в углу. Старик шаркал в полумраке, склонив голову, чтобы не задеть низкий потолок из сплетенных и замазанных глиной веток. Ткнул пальцем — на земле стояло ведро. Наклонившись, Малец достал из ведра ковш — выдолбленную тыквочку, зачерпнул и стал пить. Солоноватая вода отдавала серой. Он пил и пил.

Своего старого мула я могу напоить, как считаешь?

Старик стал постукивать кулаком о ладонь и стрелять вокруг глазами.

С удовольствием принесу свежей воды. Только скажи, где набрать.